

УДК 327, 329.3

DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.116123

ДИХОТОМИЯ «НАСИЛИЕ-НЕНАСИЛИЕ» В ДИСКУРСЕ ИСЛАМА

Резник Сергей Васильевич,

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
доцент,
Белгород, Россия,
E-mail: reznik@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье автор предпринимает попытку выявить истоки дихотомии насилия и ненасилия в арабо-исламской религиозно-философской мысли и теологии традиционного ислама. Также в статье проводится анализ трансформации смыслов насилия и ненасилия в идеологии современного ислама и особенностей традиционного ислама в России, в контексте рассмотрения проблем насилия и ненасилия в идеологии и практике российского ислама.

Ключевые слова:

традиционный ислам, дихотомия «насилие-ненасилие», джихад, салафизм, евроислам.

Насилие и ненасилие как проблемы современной философии явно или неявно присутствуют в большинстве традиционных философских проблем, однако, довольно редко рассматриваются сами по себе. Дело обстоит не только в том, что насилие и ненасилие «невозможны» без человека как субъекта или объекта, в большей мере это обусловлено тем, что в большинстве исследований альтернативой остается рассмотрение насилия и ненасилия в контексте политики или этики. Возникает необходимость в новом подходе, при котором политика и этика также остаются, но рассматриваются как две другие стратегии в анализе насилия и ненасилия, подход в определении насилия и ненасилия, который не оставит за рамками исследования человека, как субъекта насилия и ненасилия.

«Мифологическое» насилие, практикуемое в среде аравийских племен доисламской эпохи (джахилийи), сменяется нравственно-правовым насилием теократического государства, с его интуициями божественного закона (шариата)

и идеи божественной справедливости. Заключенные в пространство халифата, они становятся координатами движения энергии насилия. От оппозиции естественного и неестественного, силы и насилия, справедливого и несправедливого, практики насилия в следующую эпоху оформляются в религиозно-нравственное принуждение. Последнее, в свою очередь, трансформируется в политическое насилие, которое в своих ранних формах раскрывается в концептах «джихада», а позднее – «исламской революции» [1].

Насилие и ненасилие несовместимы по определению, они являются по сути двумя противоположными практиками, выражающимися в соответствующих ценностях. Однако в реальной жизни (индивидуальной, групповой, общественно-государственной) они переплетены и нередко циклически сменяют друг друга. Исследователи, изучающие феномены насилия, социальной агрессии, деструкции, задаются вопросами: «Почему насилие, которое тоже может длиться долго, носит циклический характер, все же сходит на нет или целиком замещается позитивной кооперацией бывших врагов? Как получается, что после жесточайших войн, жертв и разрушений, которые только увеличивают символический капитал насилия, социальный прогресс идет в другую сторону?» [8, с. 15].

Важным для нашего исследования является обращение к образу человека в исламе. Наша задача заключается в том, чтобы выявить основания насилия и ненасилия в исламской антропологии. Для решения поставленной задачи мы должны обратиться к вопросу о статусе человека в исламе, как в исламе решается проблема различения человека добра и зла. Движущим импульсом развития исламской религиозной мысли явились вопросы: о критериях подлинного поклонения Богу; о путях достижения блага и преодоления зла; об ответственности человека за совершаемый им выбор. В данном контексте акцент на «поклонении» определяет трактовку в исламе понятий блага и зла, которые трактуются, прежде всего, как благо и зло конкретного поступка. Согласно исламской этике поступки оцениваются в соответствии с намерением совершающего их человека. Наилучшим же намерением является намерение поклоняться Богу, что обеспечивает человеку счастье в земной и загробной жизни.

Кораническая антропология, признавая за человеком не только статус «раба Аллаха», но и Его наместника на земле, направляет действия верующих на активное преобразование их земной жизни в духе предписаний ислама. Разработанные исламской теологией и коранической антропологией идеи императива намерения как сообразного велению Бога действия, понимания Бога как Абсолютной Воли, последовательного монотеизма (Бог – единственный источник блага и зла), блага как повиновения божественному закону, равенства земного и потустороннего блага, избранности исламской общины (уммы) и др. определяют основное содержание подходов и решений проблем насилия и ненасилия в традиционном исламе.

В коранической антропологии принцип ненасилия раскрывается через положительное содержание таких категорий, как милосердие, сотрудничество, терпимость, солидарность, любовь, свобода, равенство. Милосердие обычно определяется как склонность к прощению, а не к наказанию. Исламская традиция говорит о милосердии Бога, которое охватывает все Его творения. Одна из сур Корана названа по великому качеству Аллаха – Ар-Рахман («Милостивый»). Также от слова «милосердие» происходят сразу два имени или качества Аллаха –

«Ар-Рахман» («Милостивый») и «Ар-Рахим» («Милосердный»). Почти все суры Корана начинаются со слов: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!». Кроме того, Бог заверяет человека в том, что кто бы ни совершил грех, он будет прощен, если раскается и прекратит совершение этого проступка. В суре «Скот» сказано: *«И когда придут к тебе те, которые веруют в Наши знамена, то говори: «Мир вам!» Начертал Господь вам самому Себе милость, так что, кто из вас совершит зло по неведению, а потом раскается после этого и станет благим, то Он – прощающ и милосерд»* (6: 54) [2]. Данный аят Корана подтверждается словами пророка Мухаммеда, в которых он приводит следующее знамение Аллаха: «Моя милость превышает Мой гнев» («Сахих» Аль-Бухари, хадис 7422, передал Абу Хурайра) [6].

Одной из самых сложных проблем в исследовании идеологием насилия и ненасилия в теологии традиционного ислама является концепция джихада. Сложность заключается в том, что понятие «джихад» находится в зависимости от субъективного восприятия отдельного человека, лидера. В религиозном контексте оно означает усилие верующего на пути к Богу, «великую войну», которую каждый верующий мусульманин должен вести внутри самого себя против своих пороков, невежества и зла. «Малый джихад» ведется против врагов веры и истины, против зла, насилия. Насилие в исламе позволено применять только в крайнем случае и только против тех, кто наглядно доказал свои злые намерения, кто является агрессором, убийцей. Во всех остальных случаях, шариат призывает к терпимости и увещанию.

Слова «милосердие» и «мир» упоминаются в Коране значительно чаще, чем «джихад». В соответствии с Кораном, Аллах – не бог войны (в качестве сравнения можно упомянуть одно из имен ветхозаветного Яхве – Саваоф, что означает воитель). Исламское понятие милосердия всеобъемлюще и подчеркивает взаимосвязанность всего сотворенного с собой и с Творцом. Милосердие начинается с Бога и даруется Им каждому живому созданию. Люди, проявляющие друг к другу милосердие, оказываются объектом еще большего милосердия Бога. Такое видение ислама поощряет снятие барьеров между народами и является основополагающим фундаментом, на котором строятся жизнь и цивилизация.

Интерпретация священных текстов ислама идеологами салафизма актуализирует размышления о месте насилия и ненасилия в современном исламе. «Разрушительная сторона человеческой природы, деструктивная деятельность человека особенно ярко проявились в XX веке: массовые убийства, революции, войны, многочисленные террористические акты. Из средств массовой информации мы ежедневно узнаем о совершающихся даже в самых благополучных странах насильственных преступлениях. Никакие моральные, религиозные, правовые нормы не в состоянии предотвратить деструкцию. Учитывая современный уровень развития техники и технологии, деструктивная деятельность в настоящее время представляет реальную угрозу не только для отдельных социальных групп, но и для всего человечества» [3, с. 3].

Объективный анализ культурно-исторической практики народов ближневосточного региона конца XX – начала XXI столетий говорит о том, что никакие спады в экономической сфере не приводили к увеличению террора и насилия. Именно в ситуации экзистенциального выбора, пограничной ситуации возникает антропология насилия и ненасилия, когда человек оказывается перед выбором

между жизнью и смертью, свободой и несвободой, добром и злом, насилием и ненасилием.

Прямой связи не обнаруживается и с уровнем образованности потенциальных «рекрутов» террористических организаций и участников терактов. Этот факт подтверждает равноценная поддержка террористических акций, как в среде палестинских уличных торговцев, так и в среде студенческой молодежи, и даже профессоров. Как показывает практика, участниками терактов становятся выходцы из самых различных социальных слоев и жизненных сфер. Также следует заметить, что серьезные изменения личности, в первую очередь связаны с принадлежностью человека к какому-либо культу и принятием его нормативной системы.

Салафиты всех мастей воспринимают ценности материального мира с точки зрения их полезности для достижения вечных, глобальных целей, в первую очередь создания теократического государства – всемирного халифата. Будучи идеационалистами (в терминологии П. А. Сорокина [7, с. 48]), рядовые члены исламистских движений в целом враждебны к любым мирским (суетным по их убеждению) ценностям. В радикальных сообществах подобного рода материальный успех, богатство не являются преобладающей ценностью, они могут восприниматься лишь как необходимое условие достижения высшей цели. Служение религии, знание законов шариата, хадисов Пророка есть тот идеал, на который должен ориентироваться, по убеждению салафитов, истинный приверженец «чистого» ислама. Следует подчеркнуть, что идеологи радикального ислама делают акцент на насильственных методах исполнения установленных Аллахом и переданных Пророком заповедей. По их мнению, истинный правоверный должен не только строго придерживаться пяти основных столпов ислама, но также вести священную войну (джихад) в качестве ещё одного «шестого столпа» веры.

Сегодня в исламском мире происходят сложные процессы, имеющие ряд существенных последствий. В результате активной модернизации в исламе появляются различные течения, основной характерной чертой которых является тенденция к межкультурному диалогу. Изменения произошли и в толковании ключевых антропологических категорий в современном исламе, в представлениях о человеке, его социальной позиции и моральной природе. Отвечая на вызовы европейской цивилизации, современный ислам пытается понять свою позицию с точки зрения традиционных ценностей западной культуры.

Особенностью либеральных движений в мусульманском мире является различное понимание основ религии ислама в условиях современного уровня общественного прогресса. Методы реформирования ислама, в зависимости от понимания священных текстов и определения аутентичности их применения, можно классифицировать внутри двух групп. Методы, относящиеся к первой группе, касаются реинтерпретации, т. е. нового прочтения традиционных текстов ислама, составляющих исламское право (фикх). Ключевым здесь является понятие «иджитихад» («усилие мысли»), под которым следует понимать, прежде всего, право человека на субъективное постижение истины.

Евроислам или европейский ислам есть предполагаемая разновидность ислама, которая уже существует или должна сформироваться в Европе. Обновленный ислам в данной его интерпретации должен сочетать в себе мусуль-

манские принципы с такими элементами западной культуры, как неотъемлемые права человека, власть закона, демократия и равенство полов. В настоящее время наиболее известны две концепции евроислама, авторами которых являются известные ученые, публицисты и общественные деятели Тарик Саид Рамадан и Бассам Тибби.

Приведенный пример демонстрирует, что ненасилие находит свое обоснование и в исламе. На наш взгляд в исламе содержится дихотомия насилия и ненасилия. С одной стороны, требование следовать божественным установлениям, ориентация человека на активную жизненную позицию оправдывают насилие с целью приближения к религиозному идеалу. С другой же стороны, трансформация представлений о человеке в современном исламе, признание за человеком свободы выбора, способности к самопознанию, его чистоты и святости привели к появлению в ряде мусульманских стран движений, использующих в своих практиках принцип ненасилия.

Принцип ненасилия в исламе проявляется в запрете любой наступательной войны для утверждения веры, любого насилия против инаковерующих. Подлинная заповедь Корана заключается в том, что «джихад» – это не тотальная война за распространение веры, а вынужденная, оборонительная война во имя свободы веры. Священное Писание мусульман выступает посланием мира и солидарности, толерантности и плюрализма, решительно отвергая любые попытки навязать другим свою идеологию и свои ценности.

Тщательный анализ «Основных положений социальной программы российских мусульман» [5], а также обращение к особенностям идеологии движения джадидизма, основанного одним из крупнейших отечественных религиозных реформаторов конца XIX – начала XX вв. Исмаилом Гаспринским, помогли нам выделить основные особенности традиционного ислама в России, определяющие решение им вопросов насилия и ненасилия.

Специфические особенности культурно-исторических практик современного ислама в России определили постановку вопросов насилия и ненасилия: соблюдение принципа мирного сосуществования верующих и неверующих (мусульман и немусульман); уважение к личности человека как к божьему созданию; необходимость проявления доброты и справедливости по отношению к иноверцам как исполнение божьей воли; запрет на унижение религиозных святынь других религий; подчеркивание веротерпимости ислама, его уважительного отношения к другим монотеистическим религиям и недопустимость прозелитизма (намеренного обращения в свою веру членов других конфессий).

У мусульман России сформировалось осознание их принадлежности к мусульманской умме не только в рамках той национальности, к которой они принадлежат, но и в рамках всего государства – России. Духовные лидеры российского ислама обращаются к научно-богословской трактовке джихада, сформулированной в Московской Богословской Декларации по вопросам джихада, такфира и халифата от 26 мая 2012 г. [4] В данном документе подчеркивается, что военные действия не являются оптимальным вариантом решения проблем, применение оружия массового уничтожения, противоречит миссии ислама и других мировых религий.

Программный документ, изданный Советом Муфтиев России «Основные положения социальной программы российских мусульман», категорически

осуждает и запрещает теракты. Следует подчеркнуть, что данный запрет подкрепляется нормами шариата, который запрещает проливать кровь и покушаться на жизнь мусульман и немусульман.

В данном документе подчеркивается, что в Российской Федерации право на объявление военного джихада принадлежит только высшему из муфтиев на основе единого мнения алимов всей страны и по согласованию с правительством страны. Российские мусульманские богословы считают неправомерным деление территории земли на «дар-уль-харб» (территория войны) и «дар-ус-салям» (территория мира), подчеркивается, что подобное разделение, а также признание войны как основы отношений мусульман с немусульманами, признание наступательного джихада коллективной обязанностью уммы («фард кифайя») неверно по сути, и не соответствует целям шариата в обстоятельствах нашего времени.

В «Основных положениях...» отмечается, что российские мусульмане могут осуществлять свои гражданские права в рамках конституционного права Российской Федерации, включающее право жить в соответствии со своими убеждениями и ощущать себя патриотами своего Отечества, не поступаясь своими религиозными убеждениями, в соответствии с этим СМР подчеркивает недопустимость участия мусульман в насильственном изменении государственного строя.

Мусульмане России придерживаются «фикха аль-ак'алийят» или «фикха мусульманских меньшинств», который является новым правовым подходом для решения специфических религиозных проблем мусульман, проживающих в немусульманских странах, исходя из этого подхода российские мусульмане считают свою земную Родину «дар-ус-салям» (территорией мира), «дар-уль-ахд» (территорией договора) и «дар уш-шахада» (территория, на которой можно свободно исповедовать свою религию).

1. Борисов С.Н. Феномен насилия в культурно-антропологических практиках и философской антропологии. – Белгород: ид «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 252 с.

2. Коран. / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – М.: МПО «ВОЛОКНОР»; СП «ТРЕКИНГТУР», 1990. – 727 с.

3. Лысак И.В. Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. – 55 с.

4. Московская богословская декларация по вопросам джихада, такфира и халифата [Электронный ресурс] // Ислам Минбаре № 6 (199), 2012. URL: <http://www.idmedina.ru/minbare/?4568> (дата обращения: 06.07.2018).

5. Основные положения социальной программы российских мусульман / Совет муфтиев России. – М.: Духов. упр. мусульман Европ. части России, 2001. – 43 с.

6. Сахих аль-Бухари. Мухтасар. Полный вариант. Перевод с арабского, примечания и указатели: к. ф. н. В. А. Нирша. – М.: Издательский дом «УММА», 2003. – 960 с.

7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 1054 с.

8. Тишков В. А. Теория и практика насилия // Антропология насилия /

Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков; РАН. ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), СПбГУ. – СПб.: Наука, 2001. – С. 7–38.

References

1. Borisov S.N. Fenomen nasiliya v kul'turno-antropologicheskix praktikax i filosofskoj antropologii. – Belgorod: id «Belgorod» NIU «BelGU», 2013. – 252 s.
2. Koran. /Per. i komment. I. Yu. Krachkovskogo. – М.: МРО «VOLOKNOR»; SP «TREKINGTUR», 1990. – 727 s.
3. Lysak I.V. Chelovek – razrushitel': destruktivnaya deyatelnost' cheloveka kak sociokul'turnyj fenomen. Taganrog: Izd-vo TRTU, 1999. – 55 s.
4. Moskovskaya bogoslovskaya deklaraciya po voprosam dzhixada, takfira i xalifata [E'lektronnyj resurs] // Islam Minbare № 6 (199), 2012. URL: <http://www.idmedina.ru/minbare/?4568> (data obrashheniya: 06.07.2018).
5. Osnovnye polozheniya social'noj programmy rossijskix musul'man / Sovet muftiev Rossii. – М.: Duxov. upr. musul'man Evrop. chasti Rossii, 2001. – 43 s.
6. Saxix al'-Buxari. Muxtasar. Polnyj variant. Perevod s arabskogo, primechaniya i ukazateli: k. f. n. V.A. Nirsha. – М.: Izdatel'skij dom «UMMA», 2003. – 960 s.
7. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovanie izmenenij v bol'shix sistemax iskusstva, istiny, e'tiki, prava i obshhestvennyx otnoshenij. – SPb.: Izd-vo RXGI, 2000. – 1054 s.
8. Tishkov V.A. Teoriya i praktika nasiliya // Antropologiya nasiliya / Отв. ред. В.В. Боcharov, В.А. Тишков; РАН. ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), СПбГУ. – СПб.: Наука, 2001. – С. 7–38.

UDC 327, 329.3
DOI 10.17506/dipi.2018.33.4.116123

THE DICHOTOMY OF “VIOLENCE-NONVIOLENCE” IN THE DISCOURSE OF ISLAM

Reznik Sergey Vasilievich,

Belgorod State National Research University,
Docent,
Belgorod, Russia,
E-mail: reznik@bsu.edu.ru

Annotation

The author attempts to reveal the origins of the dichotomy of violence and nonviolence in Arab-Islamic religious-philosophical thought and theology of traditional Islam. The article also analyzes the transformation of the meanings of violence and nonviolence in the ideology of modern Islam and the features of traditional Islam in Russia, in the context of the consideration of the problems of violence and nonviolence in the ideology and practice of Russian Islam.

Key concepts:

Traditional Islam, the dichotomy of «violence-nonviolence», jihad, salafism, euroislam.